

СТЕЛЛА АЛЕКСАНДРОВА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Я буду всегда с тобой

Стелла Александрова

Я буду всегда с тобой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42019085

SelfPub; 2021

Аннотация

Он обещал ей, что вернется и они всегда будут вместе. Но в итоге Алене пришлось прибегнуть к обману, чтобы их сын не рос безотцовщиной. Жизнь ее за это жестоко наказала. Сможет ли она снова довериться мужчине, своей первой любви? Антон тоже решил обмануть, чтобы быть отцом... Принесет ли его ложь счастье однажды разлученным любимым и их ребенку?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Антон	4
Глава 2. Алена	10
Глава 3. Антон	17
Глава 4. Алена	33
Глава 5. Антон	40
Глава 6. Алена	48
Глава 7. Алена. Антон	58
Глава 8. Антон	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Стелла Александрова

Я буду всегда с тобой

Глава 1. Антон

«Жизнь прекрасна!» – хотелось от всей души радостно крикнуть ему, глядя в голубое бездонное небо. Он лежал, раскинув ноги и руки на большом махровом полотенце, разложенном на лежанке, чуть щурясь от яркого солнца, беспрестанно мысленно повторяя, как заклинание: «Жизнь прекрасна!».

– Антон, – прохладные женские пальцы легли на его руку, – у меня есть для тебя большой сюрприз.

Он лег на бок, повернувшись лицом к своей супруге, широко улыбнулся. Она сидела на своей лежанке, на губах была неуверенная улыбка. Большие солнечные очки на аристократическом лице скрывали взгляд пронзительно голубых глаз. Антон, облокотившись, на руку, снял с нее очки и увидел слезы. Все довольство жизнью с него моментально слетело.

– Лина, солнышко, что случилось?

В одно мгновение она оказалась на его коленях и в объятиях, ее сердце сильно стучало, это он почувствовал даже своей толстой кожей.

– Нет, нет, я думаю ничего страшного, по крайней мере,

для меня. Правда, – в ее голосе появились нотки сомнения, – не знаю, как к этому ты отнесешься.

– Лина, говори скорее, не то мне станет плохо от неизвестности.

Она высвободилась из его объятий, и уставилась невидящим взглядом на море. По ее виду чувствовалось, что сообщение, которое она хотела ему преподнести, было очень значительным. Антон взволновано положил руку на ее плечо. Лина посмотрела на него, но теперь ее глаза сияли, счастливая улыбка играла на красивых губах.

– Мне кажется, что я беременна, – дрожащим голосом от сдерживаемого возбуждения, проговорила она.

– Кажется? – радость от известия замерла в груди Антона, он всегда мечтал о ребенке, но неопределенность больше пугала, чем радовала.

– Ну, я сделала тест, и он показал положительный результат, – покраснев, смущенно прошептала Лина.

– О-о-о! – только и смог воскликнуть Антон и рывком прижать ее к себе.

Несмотря на многолюдность пляжа, он стал покрывать ее поцелуями, и почувствовал, что потихоньку начинает возбуждаться, и поцелуев ему уже мало, а микроскопические плавки, находившиеся на нем, вряд ли могли скрыть его желание. Мелкая дрожь тела Лины, дала понять Антону, что она испытывает те же чувства.

– Ты рад? – с придыханием проговорила она.

– Это слово мало выражает мои чувства, – крепко прижав ее к себе, ответил Антон.

– Ты раздавишь меня, – тонко засмеявшись, сказала Лина. Но в голосе проскальзывали оттенки испытываемого огромного счастья. Утонченная, хрупкая, выглядящая отстраненной от жизни, она на самом деле являлась страстной натурой, и полгода жизни с Антоном почти уже поставили крест на ее воспитании в духе сдержанности.

– Сейчас мы посидим немного, – зашептал он ей в ушко, – чтобы скрыть последствия моего необузданного поведения, а потом зашагаем в номер, закажем шампанское и отметим это событие.

– Но мне нельзя спиртного, – категоричным тоном заявила Лина.

Как ему понравился ее тон. Он сказал, что его жена очень дорожит их ребенком. Антон еще чуть-чуть прижал ее к себе, боясь, что теперь его крепкие объятия могут навредить зародившейся жизни. Лина засмеялась и прижалась к нему крепко.

– Теперь мы с тобой будем нераздельны. В нашем ребенке мы будем всегда вместе. Правда, это очень интересно?

– Конечно, а так как тебе нельзя будет сильно физически напрягаться следующие девять месяцев, то ты на эту тему напишешь диссертацию.

– А что? Прекрасная тема!

Вскочив с его коленей, Лина закружилась в танце, Антон

подхватил ее, и они исполнили танцевальное па на песке, рядом со своими лежаками. Со стороны раздались хлопки и смех. Так соседи по пляжу отреагировали на их танец.

– Спасибо, – откланялся им Антон, счастливо улыбаясь.

Прихватив полотенце и одежду, они с Линой бодро зашагали в сторону гостиницы. Дорога к ней в этот раз им показалась долгой, как никогда. Поэтому когда они ввалились в свой номер, было не до разговоров. В бешеном темпе они сняли, то небольшое количество вещей, что отделяло их тела друг друга, и рухнули на кровать. Антон нежно заглянул в глаза своей любимой, и приник к ее губам. Стон, вырвавшийся из Линой, прозвучал сладострастной музыкой. Нежные ручки заскользили по его спине, женское тело крепко прильнуло к мужскому, желая, чтобы их тела навсегда стали одним целым неразделимым.

– Мой маленький вулкан, – прошептал Антон, и это были последние слова в течение последующего времени.

Когда они смогли оторваться друг от друга, в комнату врывались солнечные лучи заката.

– Я закажу шампанское, – сказал Антон, потянувшись к телефону.

Пока он делал заказ, Лина ласковой кошечкой прижималась к нему. В теле была приятная истома, и мысли лениво прокручивались в ее голове. Она была безмерно счастлива тем, что судьба свела их, и именно Антон оказался самым настырным из всех ее поклонников. Жизнь с ним напомина-

ла ей роман любовного жанра. Только в них героини ощущали под конец полную гармонию в отношениях друг с другом и в постели, только там все хорошо заканчивалось. Она так сильно любила Антона, что мысль об этом заставляла, чуть ли не терять сознание. Порой она замечала, что боготворила его, вырвавшего ее из той серой жизни, которую она вела до его появления.

Положив трубку, Антон улыбнулся Лине, и она потянулась к нему. Их губы встретились, и сладость поцелуя вновь закружила им головы. Руки стали путешествовать по телу другого, страсть закипать в крови. Они смогли вырваться из объятий друг друга лишь, когда услышали стук. Антон с сожалением оторвался от жены и, накинув халат, пошел открывать дверь. Несколько минут спустя он вновь предстал перед своей супругой, катя перед собой тележку с ужином.

– Шампанское и фрукты, – бодро воскликнул он, широко улыбаясь.

В ответ его молодая супруга уткнулась в подушку, давась от смеха. Перед его взором предстали подрагивающие упругие ягодицы.

– Не понял, – протянул Антон.

– Посмотри на себя, – услышал он голос, приглушенный подушкой. – Ты и официанта так встречал? – уже звонко вопросительно воскликнула она, повернувшись к нему лицом, и наставила свой маленький указательный пальчик в область его живота.

Антон взглянул и увидел очень сексапильную картину. Его халат развеялся на нем, как флаг, выставляя на показ мужское достоинство.

Глава 2. Алена

– Ты моя лапонька, ты моя кисонька, – услышала она пьяный голос мужа, как только переступила порог дома. Боже, он уже среди бела дня напился, как сапожник.

Элина, их двухлетняя дочь, и правда чуть не мурлыкала сидя на коленях у отца. Но какой контраст представляли эти двое. Малышка с большим бантом на голове, в красивом ярком летнем платье. Сын в очередной раз нарядил ее. А Миша... У нее начиналась острая нехватка воздуха, когда его видела таким. Алена удивлялась сама себе, как до сих пор не задохнулась, глядя на него последние два года. Взъерошенные волосы, мятая грязная спецовка, отекавшее лицо от постоянного пьянства.

– А жена! – воскликнул он, еле ворочая языком. – Иди моя киска, Линочка, – сказал он дочери и опустил на пол.

Элинка мяукнула и взобралась моментально на соседний за столом стул. Муж нетвердыми руками взял со стола трехлитровую банку молока и стал жадно пить. Алена стояла, прислонившись к косяку двери, и усталым взглядом смотрела на него. Чего она ждет от этого мужчины в этой жизни? Почему до сих пор находится с ним рядом?

– Чего уставилась? Ну, пьян я, пьян.

– Это в двенадцать часов дня пьян, так будто три дня не отходил от бутылки?

– А все одни и те же разговоры, – отмахнулся он от нее лениво и попытался подняться на ноги.

Это ему удалось с третьей попытки. Штормило его капитально. Обычно когда он в таком состоянии Алена старалась его не замечать, но в этот раз ее терпению пришел конец.

– Я развожусь с тобой.

– Да-а-а? Уди... Удивительно, что ты до этого только что додумалась, – заявил он, стоя прямо перед ней. Его уже не качало, да и взгляд, будто был трезвым. – Дай, я поцелую тебя за эту умную мысль, – сказал он, присосавшись к ней.

Алена изо всех сил толкнула его, и Миша с гулким шумом уселся на пол.

– Тьфу, – сплюнула она.

– Ну и дура ты, Аленка, – захихикал он пьяно, – дура.

Встав на четвереньки, он поднялся на ноги. Алена, от греха подальше, дернулась в сторону от него.

– Вот кто-то с горочки спустился, – затянул Миша и вышел, сильно хлопнув на прощание дверью.

– Скотина, – только и могла она сказать ему вслед, – чтоб ты провалился, чтоб ты сдох, – в ярости прошептала в закрытую дверь.

Сзади раздался звон стекла. На улице рев трактора. Алена машинально посмотрела в окно. Господи, да этот сумасшедший еще и поехал. Но больше о муже она не могла думать, так как услышала крик Элинки, и грохот стула. Посреди кухни красовалась большая лужа молока, в ней куча би-

того стекла. Ее красавица сидела на полу, схватившись за голову и вереща, как поросенок, которого схватили, чтобы прирезать. Ударил ли стул ей по голове, история умалчивает, так как никто не видел этого. Алена схватила дочь и треснула один раз ей по попке от всей своей несчастной души.

– Вот тебе, вот тебе! – восклицая, зашлепала она по ее маленькой попке, уже с меньшей силой. – Не будешь больше лазать, где попало.

– Мама, не бей ее, она же нечаянно, – попросил ее Семка, выскочивший из спальни на крик и кинулся вырывать из рук матери сестренку. Последняя визжала так, будто ее не просто шлепали, а били смертным боем.

– Мало того, что пролила все молоко, так она еще рухнула со стула, – заявила Алена, в последний раз пройдясь по попке Алины. – Забирай ее и уложи спать!

Сын без слов схватил в охапку ревущую малышку и унесся в соседнюю комнату. Устало, опустившись на стул возле стола, Алена оглядела кухню. Табуретка, с которого сверзилась Элина, лежала ножками вверх поверх битого стекла в луже молока, представляя собой жалкое зрелище.

За последний год, кажется, Алена научилась сдерживать эмоции при любых обстоятельствах. Лить слезы считалось, по ее мнению, проявлением бессилия. У женщин слезы обычно всегда весят на кончиках ресниц, поэтому она твердила, что ни один мужчина не достоин ни капли ее слез. Но почему-то сегодня правило не сработало. Поток слез за-

струились по ее лицу, и она даже всхлипнула. Это дало ей возможность полностью расслабиться и чуть не зарыдать в голос. Безднадега. Закрыв лицо руками, и теперь уже не сдерживая себя, Алена заплакала. Тихо по-бабьи. Этого она себе не позволяла даже в самый трудный момент, ночью в подушку. А тут среди бела дня. Поплакав минут пять, она села на корточки, чтобы подобрать крупные осколки разбитой банки. Аккуратно складывая их в одну стопку, Алена шмыгнула носом и усмехнулась про себя, что в ее жизни и таких осколков не подобрать. Семейная жизнь Алены с самого начала пошла коту под хвост, потому что не было любви. Чего она тянет эту лямку? Одно сплошное мучение. Теперь ее муж стал безнадежным пьяницей. Но это она поняла, только когда родила Элину. Отмечая ее рождение, Миша умудрился даже корову пропить. А ведь до этого целых два года не брал в рот ни капли, поэтому она и решилась родить ребенка. Простота. Чего-чего, а этого ей было не занимать. Она по жизни видно такая, начиная с 18 лет. Но сожаление из-за проступка в молодости, как накатило, так и ушло. Семкой она гордилась, он не в Михаила. На собрание в школу Алена всегда ходила с гордостью и радостью. Это было единственной светлой стороной в ее жизни. Алена тяжело и громко вздохнула. Существование. Вот, что можно сказать про ее жизнь.

– И чего тяну! – воскликнула она в сердцах с досадой.

– Алена, Алена! – крик с улицы, заставил ее вздрогнуть.

В этом голосе был оттенок несчастья, беды. Она привсталала, чтобы посмотреть в окно на человека зовущего ее.

Но перед домом никого не было. Чувство неотвратимой беды заставило Алёну выскочить на крыльцо. На встречу ей поднималась запыхавшаяся Татьяна, подруга со школьной скамьи. Она схватила ее за руку и, не говоря ни слова, поволокла на улицу.

– Куда ты меня тащишь? – закричала Алёна. – Я босиком, дай обуться.

Татьяна остановилась, наклонилась, чтобы подобрать, то, что ей попало под руку, а это были галоши сына Алёны, размера на три больше ее ног. Сунув их Алёне в руки, она с обезумевшим взглядом потащила ее дальше. На ходу, обув галоши, Алёна побежала рядом с ней. По улице в спешке шли и другие односельчане.

– Пожар, что ли?

– Сама увидишь, – посмотрев на нее странным взглядом, ответила подруга.

Они бежали, не останавливаясь, до озера находившегося на краю села. Посреди него Алёна увидела знакомую темную крышу трактора.

– О, боже! – только и смогла она воскликнуть, переводя дух от долгого бега. – А сама-то эта сволочь где? – спросила, имея в виду мужа.

– Там, – мотнула головой Татьяна.

Посмотрев в указанном направлении, Алёна увидела

несколько человек, склонившихся и чем-то активно занимающихся. Она направилась туда, чувствуя, как приходит в неистовое бешенство. Она была сейчас готова убить мужа голыми руками. До того он допек ее, что нервы были ни к черту.

– Ты только не психуй, – подхватив ее под руки, попросила Таня.

– Все, безнадежно, – услышали они, когда подошли, к суетящейся толпе.

– Нет, вы видели, как он сиганул в реку?

– А он ведь еще песню какую-то орал! – возбужденно переговаривались между собой пацаны.

– А я как чувствовал что, что-то случится, даже бежал за ним, – заявил Ромка одноклассник сына Алены.

Заметив ее, один толкнул другого, и толпа незаметно расступилась перед ней. На примятой траве лежал ее муж, посиневший и без дыхания. Все нелестные эпитеты, которые она хотела сказать своему непутевому мужу, застряли в горле. Такого конца она не желала ему. Алена смотрела на него и удивлялась своему спокойствию в этой ситуации. Да, когда-то он ей нравился, поэтому она вышла за него замуж. Но теперь у нее к нему не было никаких теплых чувств. Одна злость. Она ненавидела его всеми фибрами своей души. Стоя перед его телом, Алена не могла заплакать, потому что остатки слез, имевшихся у нее, она выплакала еще сегодня. Подружка стиснула ей крепко локоть, видимо проявляя со-

чувствие. Но оно ей не требовалось. В голове засела крепко одна кощунственная мысль: «Наконец-то я избавилась от него».

Алена оглядела стоявших рядом с ней людей. В глазах некоторых она увидела сожаление, но некоторые взирали на происшедшее, так же равнодушно, как и она сама. Время очерстневших душ? А может, человек был такой, что не вызывал никаких эмоций?

Глава 3. Антон

Ночью он проснулся от стога. Стонал не он, а Лина. Антон притронулся к ней, чтобы разбудить ее, думая, что ей приснился страшный сон. Но кожа на ощупь оказалась такой горячей, что он невольно отдернул руку. Его прикосновение нисколько не потревожило Лину, и он стал трясти ее за плечо. Но она, открыв на мгновение глаза, тут же закрыла их, прошептав:

– Мне так плохо и холодно.

Врач гостиницы появился у них только через полчаса. Осмотрев ее, он остался недовольным, и буркнул:

– Срочно госпитализировать. Я не могу на слух определить, чем вызвано ее заболевание.

В больнице Антону тоже не смогли сразу сказать, в чем причина ее болезни, заявляя, что только по результатам анализа смогут поставить точный диагноз. Он знал, что Лина в детстве очень часто болела, об этом прожужжала ему все уши теща, прося оберегать ее Алиночку. Сама же Лина не хотела об этом и вспоминать, поэтому даже просила себя называть по-другому, и говорила, что сейчас нет никаких причин вспоминать прошлые болячки. Теперь он сидел в больничном покое, как на иголках, размышляя, что делать и отчего поднялась так неожиданно температура у Лины.

– Звонарев! – наконец то он дождался обращения к себе.

Высокий худощавый мужчина в белом халате, лет сорока, встретился с его взглядом и подошел к нему.

– Кожин Виталий Валерьевич, – представился он. – У Вашей жены подозрение на мышиную лихорадку.

У Антона в удивлении вытянулось лицо.

– Понимаю, что это Вас шокирует, – продолжил он. – Но это только подозрение. А пока мы видим, что у Вашей жены воспаление почек. Мы назначим курс антибиотиков. Будем вводить внутривенные препараты, чтобы снять токсичность.

– Боже! – воскликнул он. Хотя редко поддавался эмоциям. Но жена теперь для него была самое святое, и переживания были обостренны. – Что же будет с ребенком? – бросил Антон на врача тревожный взгляд.

– Вот как? – с интересом тот посмотрел на него. – А какой срок у нее? – Услышав ответ, сухо проговорил, – боюсь, сохранить ребенка в вашем случае не удастся. Антибиотики вредны на раннем сроке беременности.

– Что же, теперь придется делать аборт? Но это ее первая беременность. Ведь это опасно для нее, – прошептал он.

Одна мысль ужаснее другой, проскакивали у него в голове. Видимо и внешний вид у него был не лучше, потому что доктор похлопал его по плечу.

– Давайте пока справимся с одной задачей, потом будем бороться с другой. А сейчас идите домой. Поспите. После обеда придете с минеральной водой, с фруктами. Кормят у нас неплохо, так что горячее носить незачем.

Во время вечернего визита Антону разрешили пройти к Лине. Ее вид поразил его. На лице живыми были только большие голубые глаза, безмерно страдающие.

– Антон, что же будет с нашим ребенком? – задала она в первую очередь вопрос.

Он обнял ее.

– Не думай сейчас об этом, – попросил Антон, прижимаясь губами к ее волосам. – Самое главное на сегодняшний момент твое здоровье. Как только выздоровеешь, мы будем думать о детках. Ты согласна со мной?

Ее глаза были полны слез, когда она слегка кивнула головой. Она не хотела с ним соглашаться, потому что давно мечтала о ребенке. Ей было 29 лет, и зов материнства давал о себе знать в полную силу. Но в данный момент, она ничего не могла сделать, чтобы спасти ребенка. Ее хрупкое тело до сих пор горело от температуры.

– Но почему я обижена жизнью, – прошептала она и заплакала. – Но почему? Я только начала жить полной жизнью. У меня появился ты, у нас должен был быть ребенок. А теперь? Но зачем она так ко мне жестока?

Антон не мешал ей плакать, успокаивая лишь своим объятием и легкими поцелуями. Несколько раз у нее прорвалось истеричное рыдание, но постепенно она затихла и уснула у него на руках.

Лина росла единственной дочерью у довольно состоятельных в советское время родителей. Отец профессор матема-

тики, мать доктор тех же наук. Мешало им радоваться полноте жизни хрупкость их дочери, она постоянно болела. Из-за этого Лине, в свое время, пришлось объездить весь Советский Союз, посещая знаменитые курорты. Получив среднее образование на дому, Лина настояла, чтобы ей разрешили поступить в Университет Искусства и культуры на библиотечный факультет. Она выбрала профессию библиотекаря, потому что очень любила читать, и, работая в библиотеке, она могла всегда иметь под рукой интересные книжки.

В библиотеке с ней и познакомился Антон. В первое же знакомство она очаровала его своей внимательностью и доброжелательностью к читателям. Она могла найти не только необходимую литературу, но и рассказать о новинках в разных отраслях. Обширность ее знаний поразила Антона, и один раз побеседовав с ней, он стал нуждаться в ее обществе. Потом он решил ее пригласить на свидание. Но она поблагодарила его за приглашение, и отказалась, отговорившись фразой: как-нибудь в другой раз. Этот другой раз представился Антону только через десять попыток с условием, что свидание пройдет у нее дома и на виду родителей. После знакомства с ними Антон сделал вывод, что не совсем был правильным у них выбор в изучении наук. Вот биология была бы для них тем самым предметом, которое полностью удовлетворяло бы их интересы и в жизни. Расспросы: чем он зарабатывает себе на жизнь, чем занимается в свободное время, где живет, что имеет существенного материального

с пристальным разглядыванием его самого, очень утомили Антона. И это был только односторонний вечер вопросов. Попробуй, прояви он в первый же день знакомства инициативу со своей стороны, скорее всего он больше не увидел бы Лину. Антон заметил, что ей это тоже не нравилось, но ради нее он был готов выдержать эту пытку. На удивление после досконального разбора его личности по окончании ужина ей разрешили прогуляться с ним, и тогда он понял, что судьба все же благосклонно относится к нему. Когда они вышли на улицу, Лина первым делом извинилась перед Антоном за своих родителей.

– Не стоит, – широко улыбнувшись, ответил он ей. – Мне уже тридцать шесть лет, я сам мог бы уже быть отцом несколько раз, хоть и не сподобилось. Но твоих родителей могу понять. Они очень переживают за тебя, потому что сильно любят. Мне бы таких. – На миг, вспомнив свое детство, он задумался и замолчал.

– А знаете, Антон? Вы первый человек, с кем мои родители разрешили мне прогуляться, – извиняющейся улыбкой проговорила она. – Но боюсь, что и сейчас их доверие далеко не простирается и они, прильнув к окну, в этот момент наблюдают за нами.

Антон засмеялся. Лина изумленно посмотрела на него.

– Вам смешно? Но почему–то до Вас это никто не воспринимал с улыбкой. Первое свидание обычно было и последним для меня и для них.

После этого вечера за Антоном установился статус ее постоянного поклонника, а месяца через три изменился на жениха. Но чего это стоило для его нервной системы, знал только он. Потому что согласие девушки здесь не было преимущественным, пусть она и была на седьмом небе от его предложения. Главное слово было за ее родителями, и они после долгого разговора с Антоном все же дали свое согласие на этот брак. Как бы родители не желали отпустить от себя дочь, они должны были пойти на этот шаг под давлением большого обстоятельства, необходимости девушке выйти замуж. Это диктовало и общество, а к тому времени еще и возраст дочери.

Несмотря на то, что Лина любила своих родителей, при их предложении поселиться молодым у них, она шепнула Антону, чтобы он проявил твердость и ни за что не соглашался на это, мотивируя тем, что они семья и должны жить отдельно.

Спустя две недели совместного проживания с Линой, он заметил, что, лишившись чрезмерной опеки родителей, гасившей в ней все эмоциональны порывы, она стала более живой и энергичной. Через полгода друзья не узнавали ее. Внутренние психологические изменения привели и к внешним.

Сама Лина тоже замечала в себе перемены, она перестала оглядываться, боясь, что ее в любой момент за то или иное действие могут одернуть и укорить, выговаривая, что ей нельзя перетруждаться. Потому она не уставала каждый

день благодарить Антона, за то, что он вырвал ее из того склепа, в котором она прожила 29 лет.

– Я лежала в стеклянном гробу, видела свет, но не слышала и не чувствовала его, а ты одним поцелуем подарил мне красочный яркий звонкий мир, – смеялась она, и ее глаза от счастья блестели аквамаринным цветом, – и я хочу и сама внести изменения в него.

– Каким образом? – улыбался Антон, – издашь приказ на президентском уровне?

– О, я думаю, этого не осилю. Разрешешь начать с нашей квартиры?

Антон мгновенно согласился. Запрет был бы для Лины смерти подобен.

И Лина занялась ремонтом в квартире, потом ее обстановкой. На это ушло у нее месяца четыре. После этого она переключила свое внимание на новую сферу деятельности, она занялась кулинарией. Антон был дегустатором и ценителем ее творческих порывов, потому что в день Лина пробовала готовить по нескольким рецептам, и на удивление, для новичка, вкусно. Это моментально сказалось на ее внешности. Хрупкая девушка, которую при первом знакомстве с ним чуть не сносил ветер, набрала небольшой вес. Острота ее фигуры сгладилась. Она стала выглядеть более женственной, у нее появился шарм. Но виной тому были килограммы или изменение образа жизни, Антон не мог точно сказать. Теперь при посещении публичных мест, он видел, как

на ней останавливались заинтересованные мужские взгляды. Но она не обращала на них внимания. Антон видел в ее глазах только себя, и, зная, что она безмерно его любит, отвечал ей тем же. А теперь с ними случилась беда. Полгода безоблачного счастья были перечеркнуты внезапно пришедшей болезнью. Ведь только вчера они в это время были безмерно довольны жизнью. Вернуть бы вчера!

Разговор с врачом не принес Антону ничего утешительного. Температура не думала спадать, повторный анализ не был обнадеживающим. Он стоял на перепутье, говорить родителям Лины о ее болезни или же не беспокоить их этим известием, надеясь, что она в ближайшее время выздоровеет. С родителями Лина общалась телефонных разговоров каждый день, и исключения из правил не могло быть. Звонок родителей Лины застал его в коридоре больницы. После слов приветствия, Антон замялся в разговоре с тещей Анастасией Павловной. Видимо, почувствовав неладное, она резким голосом попросила передать трубку Лине.

– Не могу, – ответил он, сжав зубы, зная, что скоро может услышать неприятные слова в свой адрес. – Она больна и лежит в больнице.

– Когда она заболела.

– Вчера.

– Что? И ты до сих пор не известил нас об этом? – закричала теща.

– Не хотелось вас беспокоить. Думали, что все обойдется.

– Что с ней?

– Подозрение на мышиную лихорадку.

– Боже! Мы едем к вам, – воскликнула Анастасия Павловна и отключилась.

От их приезда Антон не ожидал ничего хорошего для себя. Он знал, что в болезни Лины, они станут обвинять его. Вечер следующего дня, как он понял в последствии, стал началом жизненной катастрофы для него. Анастасия Павловна не отходила ни на шаг от постели дочери. Она затерроризировала всех врачей, требуя для своей дочери самые эффективные лекарства. Но ей не становилась лучше. Лина таяла на глазах. Ничего ей не помогало. Наконец-то на четвертый день врач, пригласив родителей Лины и Антона в свой кабинет, заявил, что общий анализ крови показывает резкое падение гемоглобина, увеличение выше нормы количество лейкоцитов, высокое СОЭ. Он посоветовал транспортировать ее из Туапсе в Краснодар для более глубокого обследования. Анастасия Павловна тут же залилась слезами.

Лину повезли в Краснодар в тот же день. Но вечер этого дня не принес для них ничего утешительного. Только утром часов в 11 Лину направили на УЗИ всех органов. В обед они вновь сидели уже перед новым врачом. Глянув на его лицо, Антон вздрогнул и понял, что им не скажут ничего приятного.

– У больной Алины Звонаревой последняя стадия рака печени.

Первой реакцией на эту новость у всех был шок. Мать закричала:

– Не может быть этого, не может быть! Она ни на что не жаловалась до этого!

– Увы, – отстраненным голосом ответил врач, – бывает так, что заболевание раком протекает бессимптомно, безболезненно. Вы сказали, что она беременна. Перестройка организма дала толчок, и усилило рост раковых клеток. Мы уже ничем не можем ей помочь. Ее жизнь уже сейчас идет в пересчете на минуты.

Антон был настолько подавлен услышанным, что почувствовал, как заледенела у него в жилах кровь.

– Это ты виноват! – услышал он издали разъяренный голос тещи.

– Что ты говоришь? – воскликнул Ефим Петрович, его тещь.

– Если бы не он, она была бы жива. Ты слышал, что из-за беременности обострилось течение болезни?

Из-за необоснованных обвинений в его адрес, у Антона перехватило горло так, что он не мог ничего произнести. Он вскочил со стула и понесся к Лине. Считанные часы даны быть им вместе, потом она навсегда будет потеряна для него.

Лина прожила еще два дня. Из-за сильных болей ей периодически вводили наркотики, и она постоянно спала. Но в минуты сознания, когда наркотический сон отступал, а боль наступала, она стойко держалась, чтобы высказать послед-

ние желания. Перечисляя, что и кому она хотела передать, она еще шутила и улыбалась, сдерживая стоны от непрекращающейся боли. Анастасия Павловна старалась не отходить от нее и пыталась отдалить Антона, как главного виновника ее болезни. В часы сна дочери, она успевала сообщить ему, все, что о нем думает. Но на фоне приближающейся смерти его любимой, ее слова не доходили до него. Антону казалось, что он сам умирает вместе с Линой. У него болела не только душа, но и тело. Слезы он не мог проливать, как его теща, поэтому он просто окаменел. Антон не видел, не слышал и не чувствовал ничего того, что могло бы не относиться к его жене. Только она волновала его, и потому моменты, когда она открывала глаза, он уже стал предугадывать. Сердце его в это время начинало биться с бешеной скоростью, говоря, что вот-вот сейчас она улыбнется ему своей безмятежной улыбкой и они снова будут счастливы.

Когда Лина в последний раз (но это Антон поймет позже) пришла в сознание, он в ее голубых глазах не увидел никакой боли и страдания. Лишь одна глубокая бездонная синь, как летнее небо. На миг его это ошеломило и показалось, что врачи поставили неправильный диагноз, или Лина пошла на поправку. Она без усилий улыбнулась матери. Анастасия Павловна от радости заворковала: «Доченька, милая, тебе лучше?» Легкий кивок головы вызвал еще большее удивление Антона, а на лице Анастасии Павловны появилось выражение безмерной радости. В эти минуты она уже не зли-

лась на зятя и с чувством пожала ему руку. Этот радостный момент стер все прежние прегрешения Антона и сблизил их.

– Мама, принеси мне яблочный сок? – попросила Лина чистым голосом, таким как разговаривала обычно, до болезни.

Анастасия Павловна сорвалась тут же с места и, убегая, крикнула: «Сейчас, моя милая детка». Потом еще из коридора донеслось ее торжествующее восклицание: «Она захотела сока!» Видимо она столкнулась с кем-то из персонала.

Лина тонко засмеялась, услышав это, а потом насколько хватало ей сил, сжала своими тонкими пальцами руку Антона. Глядя на нее, спокойно улыбающуюся, он от избытка чувств, никак не мог подобрать слова, которые бы в полном объеме выразили всю глубину его любви к ней. Он также не решался спросить, как она себя чувствует, и боялся высказать свое предположение об улучшении ее здоровья. Они молча продолжали смотреть друг на друга, и на одно мгновение в ее глазах он увидел удовлетворение. У Антона участился пульс. Неужели все же врачи ошиблись, и Лина будет жить! Но через секунду гримаса боли исказила ее лицо. Лина закрыла свои прекрасные глаза и открыла, только, когда приступ боли отпустил ее. Сердце Антона рухнуло в бездонную пропасть, похоронив там все его надежды на выздоровление жены. Он жестоко ошибся.

– Я благодарю Бога, – прошептала Лина уже другим голосом, чем раньше говорила с матерью, – за то, что он дал мне

с тобой встретиться, – сказала она и замолчала, чтобы снова перетерпеть подступившую боль.

– Позвать медсестру, чтобы сделала укол? – обеспокоено спросил Антон.

– Нет, тогда я не смогу говорить с тобой. Я впаду в сон и не успею сказать тебе того, что я бы хотела, ты знал. – Она помолчала немного, восстанавливая дыхания, и он увидел, что каждое слово ей дается с трудом, запал энергии прошел. – Я благодарю Бога за эти полгода жизни с тобой. Благодарю за то, что хоть один месяц я была счастлива от мысли, что стану матерью. Не плачь, – попросила она Антона слабым голосом, которые не заметил, как слезы заструились из его глаз. – Если ты был счастлив со мной, поблагодари его тоже за эти минуты. Будь счастлив Антон. Ты должен быть счастливым, ты достоин этого. Я прослежу за этим сверху, – улыбнулась она ему слабой улыбкой.

«Она еще и шутит», – подумал с восхищением и с гордостью Антон, сквозь слезы глядя на нее. Но это были не слезы жалости, а слезы бессилия. Они катились по его лицу, а в сердце стоял ком негодования, душивший его, оттого что он ничем не мог помочь своей любимой. Вдруг ее пальцы сильно, не по-женски, сжали его руку.

– Как мне.... – прошептала она, и ее голова безвольно откинулась, пальцы разжались.

Антон не сразу понял, что навсегда потерял ее. Голубые глаза были открыты, и было ощущение, что она просто пе-

режидает подступившую боль. Она так внезапно покинула его, что он даже не успел ей сказать, что тоже был безмерно счастлив с ней. Антон не слышал, как засигналили подключенные к ней аппараты измерения пульса. Откуда-то издалека он услышал нечеловеческий крик, и только получив ощутимую пощечину по щеке, понял, что кричал сам.

– Успокойтесь мужчина, успокойтесь, – злым голосом проговорила медсестра. – Этим вы уже ее не вернете, а людей в больнице перепугаете.

– Что случилось? Кто кричал? – со страшным видом влетела в палату Анастасия Павловна.

Антон с медсестрой застыли. Никому из них не хотелось сообщать первым страшную новость. Но объявления не потребовалось. Увидев безжизненно лежавшие руки дочери и ее застывший взгляд, она в одно мгновение оказалось у ее постели. Взглянув в ее пустые глаза, она не заплакала, а завывала, как волчица, потерявшая свое дитя, и рухнула на колени. Содрогаясь всем телом от рыдания, она сквозь него выдавливала: «Не уберегла, мою кровиночку. Прости меня, моя девочка».

Антон смотрел на нее, и волна гнева на себя поднялась у него в душе. Эти слова он мог сказать и себе. Боль от ее потери тисками сжало голову и его сердце, ему стало трудно дышать. Он решил выйти, чтобы без плача тещи подумать о том, что делать дальше и как ему жить без Лины. За небольшой срок она прочно вошла в его жизнь, и без нее, теперь,

он уже не мог ощущать полноты жизни.

– Ты куда? – услышал он за спиной гневный голос Анастасии Павловны. – Убегаешь? Не хочешь смотреть на злодеяние своих рук?

Антон медленно повернулся и увидел рядом собой лицо, перекошенное не только от страдания, но и от злости и ненависти. С вскриком медсестры он ощутил, как в его руку вцепилась Анастасия Павловна и с неженской силой потащила к кровати Лины.

– Смотри на нее, что ты с ней сделал! Пусть она приходит к тебе каждую ночь и упрекает в своей смерти! Смотри на нее!

Она изо всех сил толкнула Антона, изумленного ее поведением и не думавшего сопротивляться ей. Он упал на Лину.

– Сволочь, – ощутил он снова толчок в плечо, уже откидывающий его назад.

Антон упал бы на пол, если бы не медсестра, оказавшаяся позади него. Он чудом не рухнул вместе с ней на пол. Но она, в отличие от него, молча переносившего всплеск бешенства Анастасии Павловны, не сдержала возмущение и вскрикнула:

– Какой ужас! Что Вы себе тут позволяете?

Но всплеск негодования пропало втуне, потому что Анастасия Павловна начала колотить Антона кулаками в прямом смысле. Ошеломленный ее действиями, он молча стоял перед ней, стойко снося удары. Он не ожидал от этой женщины

вспышку такого необузданного гнева и никогда не подозревал, что интеллигентность это у нее всего лишь маска, а не сущность.

– Остановитесь, прекратите драться и ругаться, как базарная торговка! Постыдитесь, у Вас ведь только что дочь умерла, – эти слова, произнесенные медсестрой, тщетно пытающейся оттащить от него Анастасию Павловну, вернули Антона к реальности. Он оттолкнул тещу бесцеремонно и двинулся к двери.

– Ноги чтобы твоей не было на ее похоронах, – крикнула любимая теща, удерживаемая медсестрой, ему вслед, – и на ее могиле, убийца. Ребенка он захотел! Так вот твой ублюдок, как и моя дочь не увидит белого света. Алиночка, солнышко мое, надругался над тобой изверг.

Она еще что-то с громким плачем кричала, но Антон уже шел по коридору и не мог разобрать слов проклятий, несущихся из палаты Лины.

Глава 4. Алена

Как только со стуком закрылась дверь за Николаем, Татьяна выглянула из комнаты Семена с Алиной на руках и шепотом спросила:

– Ну, что ушел?

– Да, – улыбнувшись ее таинственному виду, ответила Алена.

– Ну, теперь он тебе проходу не даст, – скривив губы в едкой улыбке, протянула Татьяна.

Николай главный механик, уже неизвестно какой по счету за последние три года в колхозе, тридцати пяти лет от роду, был отъявленным бабником. Несмотря на то, что он был женат, он вел себя как племенной бык. Все женщины в колхозе посмеивались над ним, а его жена Люба, лишь стискивала зубы, как только узнавала о новом увлечении своего любвеобильного мужа, потому что ничто не могло его остановить, как только он намечал для себя следующий предмет для своей страсти. По поведению Николая было件нятно, что Алена должна стать его новой жертвой.

– А, ну его, – махнула рукой Алена, устало опускаясь на стул, – не до чужих чувств, мне бы в своих разобраться.

Татьяна села напротив нее, тяжело вздохнув. Ей хорошо было件нятно состояние Алены. Не зная, то ли рыдать от потери мужа, то ли облегченно вздыхать. Она сама вдовствова-

ла уже четыре года, потеряв мужа тоже из-за пьянства. Повоевав три месяца в Чечне и вернувшись оттуда, он не смог найти себя в мирной жизни. Начал пить так, что спустя полгода стал алкоголиком. Но однажды утром он проснулся и, не приняв на грудь своей ежедневной нормы вместо завтрака, сложил в рюкзак минимум своих вещей и ушел из дому. Через полгода Татьяна получила из военкомата извещение о смерти мужа.

– Славу богу, похоронили Мишу и помянули по-человечьи, – с облегчением произнесла она.

Алена тоже вздохнула, обводя взглядом длинный стол, заставленный посудой. Заметив это, Татьяна сочувственно сказала:

– Не переживай, сейчас втроем быстро все уберем, и ничего не будет тебе напоминать о похоронах.

Алена посмотрела на подругу и усмехнулась.

– Нормальная жена убивалась и переживала бы из-за смерти мужа. А у меня одна головная боль, как посуду со стола убрать. – Алена рассмеялась горьким истеричным смехом, – чтобы я без тебя делала моя верная подружка, – выдавила она, и слезы градом полились из ее глаз.

Через минуту раздался рев Элины, спустя несколько секунд стук двери и ломающийся голос Семена, упрекающий мать.

– Ну, что ты ребенка пугаешь, мама? Иди, ко мне, – обратился он к сестренке.

Элина с радостью отправилась на руки к брату. Семен стал ее успокаивать, прижимая к себе, и ее всхлипывающий плач скоро прекратился. Шепча ласковые слова, он унес ее в свою комнату, оставив женщин одних в зале.

– Избаловали вы ее, – без укора сказала Татьяна Алене, вытирающей слезы и шмыгающей носом. – Хотя, такую куклу и сама баловала бы. Семен у тебя молодец, хорошо, что характером не в отца пошел.

Алена промолчала. Облокотившись об стол, она уткнулась лицом в руки и размышляла, как ей жить дальше. Но мысли не выстраивались в стройный порядок, поэтому она, шмыгнув носом, встала и, улыбнувшись подруге, сказала:

– У меня есть бутылка вина, припрятала с прошлого года, давай выпьем Таня. За помин души раба божьего Михаила и за нас женщин, выбросивших свои молодые годы на помойку.

Татьяна согласилась, но при этом сильно сомневалась, что настроение подруги поднимется после алкоголя и проблемы угнетавшие в раз исчезнут. Как бы глубже не затянули.

– Не надо было мне выходить за него замуж, – пробормотала Алена после бокала вина.

– Задним умом мы все крепки, – хмыкнула Татьяна, – если бы да кабы, то грибы выросли бы.

– Нет, ты не знаешь, из-за чего он стал пить, – покачала головой она.

– Еще бы не знать, Семен-то не его сын, – выпалила по-

друга.

Алена в изумлении посмотрела на нее.

– Откуда, – пробормотала она, – а как ты...

– Алена, не надо меня за дурочку держать. Я еще пойму, чтобы семимесячный родился ребенок, но и то не при таком весе, как три килограмма семьсот грамм. Но шестимесячный уж чересчур.

– Мы никому об этом не говорили. Да и переехали-то сюда, когда Темке было десять лет.

– Я твоя подруга или просто соседка?

– Вообще-то...

– Вот именно. Я знаю, ты просто побоялась разговоров, и решила на брак с Михаилом, тем более казалось, что он без ума тебя любит. Ненадолго же его любви хватило. Месяц, как я помню. После такого срока он начал попивать? Сломался мужик от мысли, что ты ребенка от другого носишь?

– Во всем я виновата.

– Да, что ты говоришь? А может он был слабаком? Ну, развелся бы тогда с тобой, если бы был посильнее. Так нет, он жил рядом, каждый день, укоряя своим видом тебя. Я еще удивлена, как он Семену не заявил, что не отец ему. Но мальчонка, и без этого наверно чувствовал, что не ко двору в своей семье. А ты тоже не больно-то растрачивала свою любовь на него.

Алена уткнулась взглядом в бокал с вином. Она ничего не могла возразить подруге на высказанные, по сути, жестокие

слова.

– Рос мальчишка у вас, как сорная трава. Благо гены у него хорошие, не то не успевала бы вытягивать из милиции, – Татьяна выпила залпом остатки вина в бокале, налила еще себе и Алене. – Ладно, поговорили по душам. Только прошу, не обижайся на меня. Ты хотела узнать, я и сказала. Давно держу при себе эту тайну, а твои попытки делать вид, что не имеет никакого значения, родной Сема Михаилу или нет, мне очень заметны. Сема вот только последний год перестал стремиться общаться с Михаилом, видно, тоже почувствовал его отчужденность по отношению к себе. Да, что я тебе это все рассказываю! Ты и сама все это знаешь. Давай выпьем, да я пойду, – проговорила она Алене, сидевшей, как замороженной.

Она так и осталась сидеть на месте, когда уходила ее подруга. Ей было больно. Одно дело, когда ты сама знаешь свои недостатки, и другое когда другие указывают тебе на них, тыча в глаза, еще упрекают в не любви к своему сыну. Алена выпила вино в бокале, налила еще, потом еще, пока не выпила все, что было в бутылке. Вставая из-за стола, она ощутила легкое головокружение и тошноту. Зато остальное ее теперь мало волновало. Зовя Семена, она заметила, что язык у нее немного заплетается, но это ее только рассмешило. На укоряющий взгляд сына она в ответ лишь хихикнула и пока убирала со стола посуду и мыла ее, состояние, что ничего страшного в жизни не произошло, не покидало ее. Боль

вновь подступила к ней, когда она добралась до постели. Алкоголь улетучился, оставляя на сердце тяжесть от надвинувшихся вновь тяжелых мыслей о своей неудавшейся судьбе. Так ни вино, ни ночь не внесли покой в душу Алены. В четыре утра она до сих пор вертелась с боку на бок в своей постели, всматриваясь поминутно в часы на стене, желая, чтобы скорее наступило утро. Не выдержав, она поднялась, от выпитого вина ее мучила жажда. Шлепая босыми ногами, прошла на кухню. Усевшись рядом с бачком, выпила полковника воды и уставилась в темное окно. Из-за беспокойных мыслей заняло сердце. Шум босых ног в прихожей заставил ее насторожиться и посмотреть на дверь. Семен, вымахавший в свои четырнадцать лет выше нее до метра семидесяти сантиметров, стоял в темноте на пороге статуей.

– Мам, – жалобно протянул он, – ты же не начнешь пить, как папа?

Алена замерла. Ее охватила злость, и захотелось отругать сына за такие мысли, но через секунду гнев на ребенка улегся, и она устало покачала головой.

– Нет, Семен, не начну. Мне еще хочется увидеть, как ты станешь великим человеком, – виновато улыбнулась она.

Семен кивнул головой и внимательно окинул взглядом стол. Не увидев на нем ничего, чтобы представляло посуду для выпивки, пробормотал:

– Ну, я пойду?

– Иди, Семен. Укрой сестру хорошенько одеялом, а то она

вечно скидывает его, – напутствовала Алена на прощание.

Как только сын исчез в темноте, Алена прошептала: «Бедный Сема, он стал большим, так и не получив моей любви».

Заливаясь слезами, она упала грудью на стол, проклиная весь мужской род, и кое-кого в отдельности. Облегчения от того, что муж умер, и не будет ей больше никогда трепать нервы, не было. Ей было тяжело от осознания того, что она была причиной пьянства безвольного и бесхарактерного мужа, приведшего в конечном случае к его гибели. Столкнувшись с неприятностью, он не попытался разрешить ее или примириться с неизбежным, а попросту стал лелеять ее, жалея себя и искать успокоения на дне бутылки. Она попыталась мысленно обвинить в своей неудавшейся семейной жизни отца Семена, но через несколько минут поняла, что этим она пытается снять ответственность за случившееся с себя. Подняв голову и глядя в окно глазами полными слез, она увидела первые лучи восходящего солнца. Несмотря ни на что, жизнь продолжалась. И может, не надо заниматься бесконечными воспоминаниями о прошлом и думать, что поступи иначе – судьба сложилась бы по-другому. Ведь в настоящем ничего не меняется. Но Алена знала, что пройдет немало времени, пока примирится с мыслью, что в смерти мужа она не виновата.

Глава 5. Антон

– Сколько времени ты еще будешь убиваться по ней? Посмотри в зеркало, на кого ты стал похож. Кожа и кости. Такое ощущение, что она была святой, и ты больше такой женщины не встретишь.

– Не тронь мою жену, – сквозь зубы процедил Антон. – Моя жизнь, что хочу то и делаю с ней.

– Как же, не твоя, – с сарказмом ответил Игорь, – может за ней следом отправишься?

Но ответа он не услышал, потому что такая мысль Антону уже приходила в голову, но этим гордиться он не мог, поэтому промолчал.

– Ладно, я понял, что моя лекция о том, как тебе жить, сто первая по счету, и в этот раз не сыграла существенной роли в твоей жизни, – с вздохом устало проговорил его партнер по бизнесу. – Чем собираешься заняться? Продолжишь тратить бешеные деньги на цветы и ездить на кладбище? Не надоело за десять месяцев кататься ежедневно по одному маршруту?

– Не твое дело, – огрызнулся Антон.

– Нет уж, мое, – зло воскликнул Игорь. – Я почти год один волоку на себе фирму, пока ты заливаешься горячими слезами. Мы потеряли из-за этого кучу денег. А ты, зная об этом, не можешь взять себя в руки.

– Пошел к черту со своими деньгами. Ими жизнь не ку-

пишь.

– Какая дельная мысль, – язвительно засмеялся Игорь, – а на что ты цветы будешь покупать своей дорогой покойной жене? Ладно, Антон. Подурил немного, хватит. Выходи работать, забудешься за бумагами.

– Я уже работал.

Целый месяц после смерти жены он, пересиливая себя, выходил на работу, но мысли о ней не давали ему возможности вникать в смысл документов, а потом запил. Пропьянствовать Антон смог всего месяц, больше душа не приняла бессознательного скотского состояния. Он снова попытался вернуться к работе, и снова ничего не получилось. Слово тещи «убийца», будто кровавыми буквами написанное стояло перед его глазами, так, что он и ощущал себя им. Если бы не беременность, Лина была бы жива.

– Нет, ты не работал, ты просто ходил в офис! Я призываю тебя к остаткам твоего рассудка, опомнись или ты сгнешь от жалости к самому себе. Ты еще не дошел до опустошения своих ресурсов. С моей помощью у тебя банковский счет не оскудевает, но я не могу бесконечно работать один на твои цветы, памятники и ограды, – перешел на крик Игорь. Взбеситься было от чего. Антон за десять месяцев поменял три памятника на могиле жены, один раз ограду. – Короче, Антон. Даю тебе один месяц. Если и после этого срока, ты не сможешь начать работу, я насильно вручу тебе деньги за твою долю в фирме. Мне, конечно, претит эта мысль, потому

что этим поступком я брошу тебя на произвол судьбы, и у тебя могут быстро закончиться деньги. Поэтому я тебя еще раз призываю к здравому смыслу. Одумайся!

Схватив кожаный кейс в руки, Игорь вылетел за дверь. Антон равнодушно взглянул ему вслед. Эти нравоучения повторялись каждую неделю, смысл оставался тот же, но слова и тон отличались немного. Сегодня Игорь превзошел себя. Он кричал. Видно, терпение у него уже на исходе. Но Антона это ни капли не трогало. Жизнь после смерти Лины ему казалась бессмысленной штукой. Но и покончить с ней он не решался, потому что вслед за этим накатывало на него презрение к себе из-за таких мыслей. Неужели бабушка растила его для того, чтобы он наложил руки на себя во цвете лет. Она-то из последних сил цеплялась за свою жизнь в свои 75 лет, но проклятое давление все же осилило их совместные усилия и унесло ее единственного для него родного человека на тот свет.

Антон закрыл глаза. Он перенесся в те года, когда ему было десять лет. Он просыпается от поцелуя в щечку и слов бабушки.

– Антоша, вставай, солнышко уже в зените. Так и проспишь свою жизнь, не увидев ничего интересного.

Антон вскакивал и видел, что солнце только встает. Но надо гнать корову, телят и овец в стадо, а бабушке отправляться на работу. Она в свои 55 лет продолжала работать дояркой в колхозе.

На околице села, он встречался с Аленкой и они, разговаривая и громко смеясь, возвращались домой, чтобы приступить к ежедневной домашней работе.

Сердце Антона защемило от этих воспоминаний. Сейчас он мог сказать, что только там он был счастлив, несмотря на то, что рос без отца и матери. Он вспомнил озеро, рассвет и рыбу, бившуюся на крючке. Запах скошенной травы и шум ветра, игравшего ковылем. Антон встрепенулся. Надо ехать домой в деревню, прочь от бесконечного шума машин, выхлопных газов, криков, что надо делать деньги. Ничего хорошего за свои 20 лет жизни в городе он не мог припомнить. Полгода счастья с Линой он не принимал в расчет, потому что боль от ее потери сбивала его с ног так, что заставила пересмотреть все жизненные принципы. Годами построенное рухнуло в одночасье перед лицом смерти.

– Игорь, я уезжаю, – позвонил Антон партнеру на сотовый телефон.

– Черт, что ты еще придумал? – недоумение плескалось в голосе Игоря.

– Я еду в деревню, – твердо ответил он.

– Боже мой, с чего ты вдруг оживился и тебя туда несет? Что нового с тобой произошло за эти десять минут? Кто-то там еще умер?

– Мне надоела эта бесполезная суета.

– Да, кто говорил бы! Если бы ты не имел денег, то не смог бы в один миг туда сорваться. На какой срок ты собираешься

ехать?

– Я посмотрю.

– Я буду звонить тебе на сотовый, не смей его там отключать, – недовольно проговорил Игорь.

– Сомневаюсь, чтобы там была сотовая связь, – усмехнулся Антон.

– Боже, – застонал Игорь, – в какую дыру тебя несет?

– Я еду в родную деревню на Урал. Там у меня дом имеется.

– Черт, черт, черт! Я не знаю, что с тобой делать Антон. Поэтому не могу ни помочь, ни помешать тебе. Ты моя нескончаемая головная боль! – завопил партнер.

– Ладно, до встречи.

– Хорошо, до свидания, – примирился с его решением Игорь. – Надеюсь, ты оттуда вернешься живым и в ясном уме. Потому, как ты туда засобирался, у тебя еще не все потеряно. Удачи тебе, друг, – участливо пожелал он на прощание.

Антон собирался недолго. В начале он даже хотел выехать в том, что было на нем. Домашние брюки и футболки. Но, поразмыслив, решил, что таким поступком он мог подписать себе прямую путевку в психбольницу. Нормальный человек готовится к поездке обстоятельно, а не срывается в одну минуту с места после внезапно посетившей его сумасбродной идеи.

Ночь он не захотел пережить дома, и потому уложив па-

ру чемоданов с вещами в багажник, пересчитал наличные деньги, прихватил банковские карты, и ближе к вечеру усевшись за руль "Вольво", выехал со двора.

Дорога предстояла не близкая, почти две тысячи километров. Выехав за пределы загруженного машинами Московской Кольцевой, он вздохнул свободнее. Но на смену напряженности пришли воспоминания, которые невольно заставляли его вновь переживать события десятимесячной давности.

Он пренебрег желанием тещи и был на похоронах Лины. Но если можно было бы взглядом убивать, то и его захоронили бы в тот день. Лишь благодаря поддержке Игоря и его жены, он смог продержаться и не сбежать от ненавидящих глаз Анастасии Павловны. После этого дня ни он, ни она не изъявляли желания видеться друг с другом. Поминки по Лине на сорок дней Антон справлял в своем кругу, родители жены в своем. Больше они не пытались изображать видимость приличных отношений между ними. Кого горе объединяет, а они тут же оборвали тонкую нить, связывающую их памятью о Лине.

Как пролетели километры дороги, Антон потом не мог вспомнить, как ни напрягал память. На каком-то автопилоте он ехал, останавливался на ночь в придорожных гостиницах, и мысли о жене не отпускали его до тех пор, пока он не оказался на окраине родной деревни. Он не был на родине пять лет, с тех пор, как приезжал хоронить бабушку. Стояли по-

следние дни апреля, и он думал, что, вряд ли сможет заехать на своем «Вольво» в это время года в деревню, не увязнув в грязи. Асфальт на дороге ведущей в деревню, заставил его в изумлении приподнять брови. Снизив до минимального скорость, Антон поехал по направлению к своему дому, поражаясь внешнему виду деревни. Она отличалась сильно от той, какой он ее помнил. Заборы подновленные и выкрашенные в ярко зеленый цвет. Дома со сверкающими крышами и стенами. А вид родного дома, заставил вообще в изумлении разинуть рот. Дом выглядел, как новенький. Остановив машину возле калитки, он вылез из нее, замученный мыслями. Может, он ошибся, и не туда свернул, и это не его дом?

– Антон, – услышал он за спиной голос тети Агафьи и облегченно вздохнул. – Ты, что ли это? Не могу поверить, – шаркая большими галошами, направилась к нему соседка.

Приблизившись, она раскинула руки для объятия.

– Тетя Агафья, – воскликнул он, и прижал ее к себе, невольно приметив ее старческую худобу.

– Какими судьбами, сынок? – отодвинув его от себя и заглядывая в его глаза, спросила она.

– Вот решил сделать себе отпуск и отдохнуть от города.

– Давно пора, – согласилась соседка, – а то кожа да кости и больной взгляд.

Проницательности старым людям не занимать, мелькнуло в мыслях Антона.

– Но ничего, ты здесь у нас поправишься в раз. Молочко

деревенское, сметана, свежий воздух, лучшие лекари от всех болезней. Ой, что мы тут стоим, пошли ко мне в дом.

– Спасибо, тетя Агафья. Можно я к себе в начале загляну?

– А что же нет. Там у тебя чисто. За твои деньги я старалась, чтобы порядок был постоянно.

Лишь только он переступил порог дома, потянулся и остальной деревенский люд, прослышанный мгновенно о его приезде.

Глава 6. Алена

– Мама, ты не видела Элинку? – спросил Семен Алену, выходявшую из сарая с ведром свежего надоенного молока.

– Нет. Возле меня, ее давно уже нет. Неужели опять на улицу умчалась. Беги, поищи ее, а то уже ночь на дворе, забредет куда-нибудь и начнет реветь со страху.

Трехлетняя Элинка в этом году не давала покоя ни матери, ни брату своим любопытством. Если она не доставала их вопросами и своей неумностью во дворе или дома, то исчезала куда-нибудь, так что ее потом приходилось разыскивать, а, найдя, читать сотый раз мораль о том, что маленьким девочкам нельзя ходить одной, вокруг ходят плохие дяди.

Семен вышел за калитку и, оглянувшись в поисках сестры, присвистнул. Алена, поднимавшаяся на крыльцо, оглянулась и воскликнула с досадой:

– Ну, что там еще?

– Ничего себе! Вот это да! Клево!

– Да, говори скорее, что там случилось, – раздраженно прикрикнула на него Алена.

– Это «Вольво».

– Ох, боже мой! Ты что машин не видел? – Но, поставив ведро на крыльцо, Алена решила присоединиться к нему, чтобы удовлетворить и свое любопытство, в деревню ино-марки редко заезжали.

– Но не рядом же с нашим домом, – объяснил Семен матери, выглядывавший поверх забора на улицу.

– Ты ребенка уже нашел? – отчитала она его.

– А чего ее искать, где все, там и она наверно, – он лениво махнул в сторону соседского дома.

– Не поняла, а что там люди делают? Он ведь лет пять уже стоит пустой. На продажу выставили что ли?

– А он, видно, уже с часа два, как подъехал, – задумчиво проговорил Семен.

– Тебе-то откуда это знать, если только что увидел машину.

– Ты смотри, сколько народу во двор набилось!

– Тоже мне Шерлок Холмс. Ладно, хватит разевать рот, иди, поищи Элинку. А то темно уже становится.

– Ну, конечно, – радостно воскликнул сын и понесся в соседний двор.

– Вот, черт, принесло кого-то, – посетовала Алена.

Дом соседей стоял к ним торцом через огород, и поэтому она не могла заметить, что туда кто-то подъехал. Ей, конечно, интересно знать, кого туда принесло на ночь глядя, но становится еще одной откровенно любопытствующей, ей не хотелось. Она оперлась на забор в ожидании детей, напряженно прислушиваясь к звукам на улице.

Они с Михаилом переехали в деревню, когда уже баба Лида, жившая в соседнем доме, умерла. За ним за денежную плату от Антона Звонарева, внука бабы Лиды, присматрива-

ла тетьа Агафья. Многие в то время ей сильно завидовали из-за этого, потому что Антон высылал ей в полгода раз приличную для пенсионерки сумму денег. В прошлом году деревня была шокирована еще одним поступком Антона. Летом председатель колхоза заявил односельчанам, о том, что хватит жить им по старинке. Это вылилось в акцию «Приведи свой дом в порядок», и «Даешь хорошую дорогу в деревне». Тетьа Агафья решила написать Антону, чтобы он выслал деньги на внешний ремонт дома. Ответ не заставил себя ждать, и она получила перевод денег на такую сумму, что на них можно было выстроить новый дом. В начале тетьа Агафья растерялась, но потом развернула такую деятельность, отчего деревня гудела до сих пор. Наняв бригаду мужиков в деревне и пригрозив, что если только увидит хоть одного пьяного или услышит запах спиртного, то тут же уволит, она вместе с бригадиром съездила в город и закупила материалы для ремонта дома Звонарева. К концу осени дом выглядел, как картинка, с новой крышей, новыми наличниками и обшивкой. Внутри дома, тетьа Агафья тоже кое-что подновила. Посоветовавшись с Аленой, как с главным бухгалтером колхоза, она выписала и себе деньги, о чем свидетельствовал бланк выдачи зарплаты, как главному распорядителю строительства. Да, весело было в прошлом году. Кто бы мог подумать, что семидесятилетняя женщина будет командовать мужиками, и попробуй ее послушайся, лишились бы приличных денег.

– Ну, что ты ревешь, – услышала Алена сквозь размышления голос сына. – Завтра еще пойдешь. Дядя никуда не уедет от тебя.

– Какой еще там дядя объявился? – со смутным предчувствием надвигающегося в ее жизни чего-то нехорошего, сдержанно спросила Алена, открывая калитку.

– Да, там этот хозяин приехал, который в прошлом году бешеные бабки бабе Агафье прислал, – восхищенно проговорил пятнадцатилетний Семен, переходя на уличный сленг.

Алена потянувшая к себе с рук Семена плачущую Элину, чуть не выпустила ее.

– Что? – сумела она выдать, и прижала к себе крепко дочь, затрясшими от волнения руками.

– Мам, ну ты как глухая. Дядя Антон приехал. Говорит, что надолго. Мол, хочет от города отдохнуть. Спросил и про тебя, когда узнал, чей я сын. Представляешь, Элинка у него на коленях сидела, когда я в дом вошел. Во, дает сестренка! Но я думаю, что это она по папе скучает, вот и уцепилась за него, – сказал Семен с большим возбуждением, видимо Звонарев, своим достатком вызвал у простого деревенского мальчишки огромное восхищение.

Алена, похолодевшая от такого известия, слушала сына, еле сдерживая бешенство, но на его психологическое резюме о сестре, не стерпела и взвизгнула.

– Какой он тебе дядя Антон? Нашел родного дядьку. Чтобы я больше твоей ноги в доме его не видела, и присматри-

вай за сестрой, чтобы и она туда не шлялась, – заорала она на сына. Резко скинув с ног калоши на ступеньках крыльца, она стремительно забежала в дом, таща под мышкой орущую от недовольства Элинку с грязными сапожками на ногах.

Семен, изумленный ее поведением, так и застыл, недоуменно глядя ей вслед.

– Что за шум, а драки нет? – услышал он за спиной веселый голос тети Тани, – снова мать чихвостит тебя ни за что?

Семен посмотрел на нее и, натянуто улыбаясь, сказал:

– Здравсьте, тетя Тань. Элинка что-то раскапризничалась.

– Да, что ты, – разлохматив его волосы, усмехнулась она, – с каких пор ты перестал ее успокаивать?

Семен решил за благо смолчать, не то после посыпалась бы еще куча вопросов от крестной.

– Ну, ну, – сказала тетя Таня, поднимаясь по ступенькам крыльца.

Алена в тихом бешенстве резкими движениями снимала с рыдающей дочери платье. «Урод, ублюдок, он все-таки посмел через шестнадцать лет снова появиться в моей жизни».

– Замолчи, не то надаю по заднице, – закричала она на хнычущую дочь. Та испугавшись окрика матери, зарыдала еще громче и истеричней.

– Ничего себе, кажется, наша снежная королева ожила, – услышала она язвительный голос подруги позади.

– Что случилось? – раздражительно спросила Алена ее.

– У меня ничего страшного, отчего можно было бы кри-

чать на ребенка, – с сарказмом ответила она. – А вот что с тобой случилось подружка? Во дворе Семка стоит, будто кирпичом пришибленный, здесь Элинка орет, как будто ее убивают. Так что произошло в датском королевстве?

– Ничего такого, что тебе стоило бы знать.

– Ну, конечно, о чем я и говорю. Всего лишь объявился сосед, но у тебя вид, как будто по соседству поселился Дракула.

– Кричи громче, а то Семка тебя не слышит, – буркнула Алена, приходя в себя. Срывать злость на детях из-за мужчины, когда-то предавшего ее, конечно, если она здравомыслящая женщина, не к лицу.

– Что-то я тебя снова понять не могу, – с размаху уселась на Элинкину кровать Татьяна с удивленными глазами. – Это что, это он?...

Но Алена не дала высказать вслух ее предположение, взвизгнула:

– Да, он, он. Что тебе еще надо знать, спрашивай, пока я добрая, я тебе отвечу.

Татьяна подскочила с кровати и, покраснев, как рак, слегка заикаясь, проговорила:

– Я, конечно, предполагала, что ты после смерти Михаила немного не в себе, но чтобы настолько, я даже и представить не могла. Да, тебя Алена в психушку надо отправлять. Ты что с детьми и собой делаешь? – возмущенно произнесла она, и попыталась забрать у нее орущую Элинку. Но Алена не

собиралась отдавать ей ребенка. На их счастье или Элинкино в комнату забежал Семен и с недетской силой, оттолкнув их, молча, вырвал сестру из их рук.

– Боже, какая ты стала дура, – сев на кровать посетовала Татьяна. – А ведь даже год не прошел, как живешь без мужа. А что будет дальше?

– Не твоего ума дело, – огрызнулась Алена.

– Нет, ты сама посуди. Я думала, что ты, став свободной женщиной, воспрянешь духом, помолодеешь душой, а что в итоге – стала занудой и истеричкой, – с жалостью проговорила подруга, покачивая головой, не глядя на нее.

– Отстань, – с усталым вздохом ответила Алена, усаживаясь рядом с ней, – ты не испытала малой толики того, через то, что мне пришлось пройти.

– Брось, сейчас не в этом дело. Прошло пятнадцать лет, а ты все собачишься при воспоминаниях о нем.

– Пройдет сто, а я буду вести себя точно также.

– Да, – протянула Татьяна. – По-моему здесь уже можно поставить один единственный железный диагноз.

– Ну, и какой? – скривив в едкой усмешке губы, спросила Алена, замечая искры смеха в глазах подруги.

– Любовь, – с пафосом воскликнула она. – Да, да, да, – заявила она, видя, как сжимаются губы Алены, – и не пытайся это отрицать. Потому что любовь и ненависть ходят рядом.

– Перестань молоть чепуху.

– Мелют зерно на току, а я говорю правду.

– О, оставь эти измышления при себе. Начиталась всякой романтической чепухи, забила книжной бредятиной себе голову, теперь и мне пытаешься вбить. Нет, в жизни любви, – жестко воскликнула Алена, не замечая, что голос срывается в крике.

– Кричи громче подруга, чтобы и сосед тебя услышал, – с сарказмом проговорила Татьяна.

Алена вскочила с кровати, и, встав перед ней, уперла руки в бока.

– Знаешь, что...

– Что? – со смешком спросила Татьяна. Для нее этот вечер стал приятным развлечением по сравнению с прошедшим днем на ферме. И сейчас разозлив Алену, она думала, что, невольно выведя из себя подругу, может услышать признания, которые ее волнуют. Поделившись с ними, она может наконец-то выйдет почти из годичного ступора, в котором жила. Нет, скорее существовала рядом с детьми. Видно, у нее окончательно крыша поехала из-за смерти Михаила, но никто этого не понимал, да никому и не надо этого знать, у всех своих забот хватает. Ходит она подавленная. Ну и что? Ведь недавно вдовой стала. Положено выглядеть так. Но никто не предполагает, что она носит не печаль на сердце, а тяжесть. Винит себя в смерти мужа.

Приезд Антона дал толчок для всплеска эмоций, которые она долго сдерживала в себе. Ведь это с него начались все ее злоключения. Бедная подруга.

– Ничего, – ответила Алена, обмякнув, как спущенный шар, понимая, что она чуть не выболтала свою тайну. – Спать пора, завтра на работу с утра.

– Что, даже чаем не напоишь? – улыбнулась Татьяна, все же не теряя надежды вызвать на откровение Алену, пока она близка к этому.

– Молока налью, если хочешь пить, после чая не уснешь.

– Ну, меня совесть не мучает, – сказала Татьяна и прикусила язык. Долгим взглядом, посмотрев на нее, Алена проворботала:

– По тебе и видно, – и повернулась к ней спиной.

На несколько секунд в комнате повисла тяжелая тишина.

– Ладно, я пойду, – прервав неловкое молчание, смущенно проговорила Татьяна в спину подруги, понимая, что нечаянно сболтнула лишнее и в их отношениях появилась маленькая трещина.

– Иди, – выдавила Алена.

Как только замерли шаги Татьяны, она упала на кровать и, уткнувшись лицом в подушку, завывала. Вой постепенно перешел в рыдание, оно – в плач, и только спустя полчаса залив подушку слезами от воспоминаний о юности, она успокоилась и уснула. Семен, сидевший тихо все это время возле заснувшей сестры, не слыша никаких звуков из комнаты матери, прошел к ней, медленно ступая на цыпочках. Ее опухшее от слез лицо на фоне синей наволочки, резко бросилось ему в глаза. Он замер, но мать не шевелилась, тогда он принес из

своей комнаты покрывало, заботливо накрыл ее и, огорченно вздохнув, выключил свет и вышел из комнаты.

Глава 7. Алена. Антон

Громкая иностранная музыка, хрипло раздававшаяся из больших музыкальных колонок, разносилась на всю деревню, притягивая к себе, как магнит, молодежь. Парни шумной гурьбой, окутанные облаком дыма от сигарет и запахом самогонки и пива, завалились в клуб. Девушки, танцующие под блестящим шаром из елочных осколков взвизгнули и бросились в рассыпную, кто какой угол нашел. Довольный хохот ребят перекрыл музыку.

– Ой, ну какие у нас девочки дурочки, – со снисходительной улыбкой на лице прокомментировала происшедшее семнадцатилетняя Алена. – Ведут себя, как дикарки.

– Деревня, есть деревня, – с легкой гримаской презрительности поддержала ее подруга, пристально вглядываясь в полумрак зала и пытаясь разглядеть, кого в этот вечер принесло. – И чего от них шарахаться?

– Ба, кто у нас здесь стоит, – услышали они хриплый пропитый голос тридцатилетнего местного холостяка. – Наши фифочки-студентки по углам жмутся.

– Да, иди ты, Петь, – лениво огрызнулась Таня. – Не до тебя.

– Ха, ха, и чем вы сейчас так заняты? Напрягаете извилины в подборе кандидатур в мужья? А мозги-то, курочки, у вас есть?

– Что орешь, как оглашенный? У тебя шуточки плоские, как и сам, – парировала Алена.

Татьяна залилась смехом. Петя был худ, как велосипед.

– Ой, ой, ой, какие мы умные. Не иначе только злословию вас учат в техникуме, – сплевывая на пол, процедил он.

– Отвали, Петя, – отмахнулась Алена, – если не хочешь нормально разговаривать.

– Кто, кто тут хочет поговорить? – радостно закричал, подходя к ним, Коля, бывший их одноклассник, – о, девчонки, как я вас давно не видел!

– Любка, тоже, кажется, так думает, – усмехнулась Таня.

– Девочки, не дерзите. Нам мужчинам противопоказано быть долго с одной. Можно нюх потерять, – бодро заявил он.

Все дружно залились смехом над его шуткой. Татьяна, хватаясь за живот, сквозь смех выдавила:

– Смотри, чтобы Люба тебе кое-чего не оторвала с обостренным нюхом.

– Не успеет, он у него прежде отвалится от не разборчивости, – поддержал ее Петя.

– Типун вам на язык, – огрызнулся Коля.

Смех грянул еще сильнее, привлекая и других посетителей клуба.

– Алена! – услышала девушка свое имя сквозь грохот музыки и смеха произнесенное приятным мужским голосом. Она всмотрелась в лица подошедших к ним парней. Заметив Антона радостно заулыбалась и стала пробираться к нему че-

рез толпу.

– Антон, привет! – воскликнула она, добравшись до него, и вцепилась в его рубашку, чтобы не упасть, когда кто-то толкнул ее в спину.

Антон придержал Алену за талию, и почувствовал, как его обожгло, будто огнем, от этого прикосновения. Девушка дернулась от его рук. Антон, подумав, что она до сих пор не может стоять устойчиво на ногах, прижал еще крепче к себе. Молниеносно плоть возбудилась, и дала понять девушке, что парень ее сильно хочет. Яркий румянец стыдливости окрасил щеки от касания возбужденного мужского члена к низу живота. Страсть, полыхнувшая в карих глазах двадцатидвухлетнего парня, привела ее в замешательство, и она с силой вырвалась из его объятий. Глядя на него большими от изумления глазами, она попятилась от него, а потом развернулась и стремительно выбежала из танцевального зала.

Антон, ошеломленный реакцией своего тела, так и остался стоять на месте. Он никак не мог понять, почему это с ним произошло. Ведь это была Аленка, с которой он с детства бегал на озеро купаться голышом, чтобы потом не сшить трусы. Они держались сотни раз за руки, грелись на утренних рыбалках под одной курткой. Еще в прошлом году он видел в ней соратницу по играм и работе. Но почему через год все изменилось? Неужели он настолько любвеобилен, что прикосновение упругой женской груди и ощущение крепкого девичьего тела под руками, возбудило его мгновенно?

но? Неужели из-за этой похоти надо терять друга детства?

– Антоша, – услышал он мурлыкающий голос Клавдии, двадцатилетней красавицы деревни, – не хочешь пригласить меня на танец?

– Что? – спросил он, мыслями находясь рядом с Аленой, и посмотрел на девушку отстраненным взглядом.

– Никак ты возгордился, учась в столице, – пошутила она, – даже не замечаешь нас.

– Слушай, извини, Клава, мне надо идти, – сказал он и мысленно поблагодарил темноту танцевального зала, не то было бы видно, в каком состоянии сейчас он находится.

– Да, ведь ты только что пришел, – проговорила обиженно девушка, но Антон ее уже не слышал. Он пробирался усиленно к выходу с надеждой найти Алену и выяснить: почему его отношение к ней так резко изменилось.

Возле клуба стояли девушки, и он остановился возле них, пытаясь разглядеть в темноте их лица. Его интерес был замечен, и девушки налетели шутками на него. Голос одной из них показался ему знакомым, и он подошел поближе к ней.

– Ты что это, Антон, – со смехом воскликнула Таня, – потерял кого?

– Ага, – улыбнулся он в ответ, – Аленка здесь не пробежала? Там внутри такая толкучка, что нас затолкали, и мы потерялись, а только начали рассказывать друг другу, как живем, – стараясь придать речи оттенок развязности, пояснил он, чтобы девушка не подумала, что он в поисках ее подруги

серьезно заинтересован.

– Нашли где говорить, – фыркнула Таня, – там пушка начнет палить, не услышит никто.

– Так ты видела ее? – перебивая ее разглагольствования, спросил нетерпеливо Антон.

– Да, домой она пошла, – раздраженно ответила девушка, видно недовольная поступком подружки, – вечер только начался, а она уже ускакала. И чего торопиться...

Но Антон не стал ее дослушивать и быстрыми шагами направился к дому Алены. Скрывшись с глаз девушек, он, вообще, побежал. Благодаря бегу, он успел поймать ее, когда она закрывала за собой калитку во двор.

– Алена, стой, – громким шепотом воскликнул Антон, подбегая к ней.

Девушка на одно мгновение замерла, встретившись с его глазами, но потом горячо зашептала:

– Что тебе надо, Антон? Поздно уже, мне домой пора.

– Подожди, – удержал он ее за руку, лежавшую на калитке, и снова почувствовал, как тепло побежало по его венам.

Девушка вырвала руку, и оцарапала ладонь о штакетник. Крик боли невольно вырвался из ее груди.

– Ой, Алена, извини, я не хотел, – потянул на себя калитку Антон, чтобы быть поближе к девушке и осмотреть ее рану. Он притянул Алену к себе, и она не заметила, как оказалась в объятиях молодого мужчины. Боль была забыта, только остро чувствовались прижатые друг к другу тела. От на-

валившегося на нее внезапно желанья потяжелело дыхание, но когда губы Антона припали к девичьим губам, Алена забыла обо всем на свете.

Антон целовал, и в голове пронеслась яркая мысль, что такого вкуса свежести, ему ни разу еще не довелось ощутить. В голове от страсти помутнело, рука нащупала упругую грудь и стала ее мять, другая полезла под платье, пытаясь добраться до укромного женского естества. Стон, вырвавшийся из груди Алены, заставил ее очнуться, и она нашла силы оттолкнуть от себя Антона. Тело горело от испытанного неведомого желанья, и она стала из-за этого презирать себя. Она была напугана тем, что чуть не потеряла разум, оказавшись в первый раз в объятиях парня. Ей было стыдно от мысли, что он щупал ее грудь, а его палец, был в таком месте, до которого ей самой не то, что дотрагиваться, но и думать было неловко. Алена украдкой посмотрела на Антона, и уловила странный блеск в его глазах, испугавшись еще больше, она рванула к крыльцу.

– Алена, не убегай, – зашептал Антон, – я хотел только поговорить с тобой, – но тут раздался грохот нескольких предметов, упавших на крыльце, потом громкий стук хлопнувшей двери и девушки след простыл. – Вот, не повезло, так не повезло, – раздраженно прошелся в свой адрес молодой мужчина, и вышел со двора.

Направившись снова к клубу, он стал мысленно костерить себя за несдержанность. По поведению Алены он понял, что

девушка никогда еще не была близка с мужчинами. Как молодая олениха, испуганная встречей человека в лесу, Алена испытала на себе всего лишь поцелуй, слабый порыв его страсти, бросилась от него, как от прокаженного.

После этого он целую неделю не мог приблизиться к ней. Она убегала от него, увидев его, если была одна, или держалась холодно, когда ее подружка или другие люди были рядом. Случай свел их вместе на свадьбе Коли и Любы. Это девушка, все же сумела окрутить первого парня на деревне и женить на себе. Антон долго присматривался и выбирал момент, когда Алена останется одна, без группы поддержки в лице подружек, и в прямом смысле накинувшись на нее, утащил в темноту за сарайные постройки, где они не были видны никому. Надо сказать правду, что девушка не сопротивлялась и не кричала, поэтому он не теряя время даром, начал ее грубо целовать, перемежая поцелуи со словами, что она свела его с ума. Ответную реакцию он получил немного погодя. Алена, выпившая на свадьбе вина, расслабилась и не посчитала его поведение посягательством на ее честь. Она сама стала со страстью отвечать ему, и Антон, поняв, что никто не собирается давать ему по рукам, позволил себе немного вольности. Он запустил одну руку ей под юбку, и добрался до ее укромного места. Обнаружив, что его лепестки влажны, он нащупал маленький бугорок и стал его массировать. Стон удовольствия от действий молодого мужчины не заставил его долго ждать. Девушка изогнулась, крепко

прижалась к его телу. Из ее горла стал невольно вырываться крик, и Антон, заглушая его крепким поцелуем, почувствовал, как тело девушки затрясло в оргазме.

Как только дыхание Алены пришло в норму, она заметила, что стоит, крепко вцепившись в Антона. Смятенные чувства накрыли ее с головой. С ней никогда такого не происходило, об этом она только слышала от более раскрепощенных подружек. Сама она при этих разговорах отмалчивалась, размышляя, что пока не выйдет замуж, никогда не отдастся мужчине. До сих пор она была уверена в своем решении. Но сейчас она пропала, ее бастионы рухнули под горячими руками Антона. Да она получила полет тела, но чего-то все-таки не хватало. Она и сама не могла понять чего, но Антон знал, и мог показать ей это.

Антон, заметив, что девушка пришла в себя, крепко прижал ее к себе, и прильнул к ее губам.

– Не убегай больше от меня. Ты же видишь, как ты мне нравишься, – перестав терзать ее своими крепкими губами, объяснился он.

Алена от его поцелуев ощутила, что тело вновь наполняется желанием. А в желании Антона вообще не надо было сомневаться, в низ ее живота до сих пор упирался твердый бугорок мужской плоти, который теперь не вызывал в Алене отрицательных эмоций и стеснения. Она попыталась в темноте разглядеть его лицо. Антон улыбался. Тот странный блеск, который она заметила неделю назад в его глазах, сно-

ва присутствовал. Значит, он говорит правду, что она не безразлична ему, пронеслось в ее мыслях, и видимо от нее он тоже ждет признания.

– Ты мне тоже, – смущенно пробормотала Алена. Этот ответ ей дался с трудом, ей еще никогда не приходилось чувствовать непреодолимую тягу к парню и выражать словами.

– Уйдем отсюда, – настойчиво потребовал Антон, чуть сморщившись. От неудовлетворенности его желания ему было больно между ног.

Но требования к девушке и не нужно было предъявлять, она пошла бы за ним и на край света. Алена догадывалась, что требуется от нее Антону, но не могла отказать ему, бросить его. К восемнадцатилетней девушке пришла любовь, и она ради любимого готова была отдать все. Все ее жизненные принципы были забыты, гордость в одно мгновение смята мужской рукой.

Глава 8. Антон

Антон проснулся с рассветом. Натянув спортивные штаны, отправился на кухню. Поставив на огонь газовой плиты чайник с водой, уселся за стол в ожидании, когда тот закипит. Накануне он поздно лег спать, пока не ушел последний гость, но сон не сразу пришел к нему из-за навалившихся на него воспоминаний. С пробуждением его стали одолевать размышления об Алене. Прошло почти шестнадцать лет, как он расстался с ней, но до сих пор помнил ее девичью свежесть. Он приехал из Москвы в деревню на каникулы перед последним курсом института и не мог даже предположить, что его отношения с соседкой, бывшей голенастой девочкой Аленкой, изменятся кардинально. Он до сих пор четко помнил, как Алена отдала ему свою девичью честь. В начале, найдя укромный уголок на деревенской свадьбе, он заставил девушку раскрепоститься и понять, как прекрасна любовная страсть. Потом увел ее к себе домой, пока бабушка отсутствовала, по той же причине, что и вся деревня. Алена, шокированная открывшимся перед ней новым миром ощущений, и не думала ему возражать, хотя перед этим целую неделю изводила его своим безразличием. Задержав на окнах шторы, он включил свет. Подвел к середине комнаты, смущенную краснеющую девушку и легко прикоснулся к ее губам своим ртом. Реакция была моментальной. Але-

на восторженности, ее руки вскинулись и легли на его плечи. Ее страстный порыв обрадовал Антона, и его руки забежали по пуговицам платья. Опустив его с ее плеч до талии, он на мгновение замер от вида упругих полных грудей, не прикрытых лифчиком. Соски на молочном фоне тела выделялись яркими бордовыми крупными ягодами. Антон со стоном прорвался к одному из них губами, и как только прикоснулся, услышал удовлетворенный стон Алены. Ее пальцы лихорадочно затеребили на его затылке волосы, тело стало выгибаться. Молодой мужчина, горевший страстью уже долгое время, подхватил девушку на руки и понес на кровать. Скинув быстро с себя одежду, он помог снять ей платье и трусики, и лег рядом. Как только он прикоснулся к ней своей возбужденной плотью, он испугался, что кончит, так и не выполнив своей миссии. Поэтому он без предисловий проник пальцами в ее лоно, которое оказалось влажным и тем обрадовало его. Бормоча:

– Не бойся, я тебе не сделаю больно, – он, нависнув над ней всем телом, стал вводить понемногу член. Ему, конечно, хотелось бы грубо ворваться в ее тело, но мысль, что навсегда этим может ее отвратить получать удовольствие от соития, останавливала его. Медленно проникнув наполовину, он ощутил преграду, и остановил продвижение. Взгляд, брошенный на Алену, заставил почувствовать себя подлецом. Ее глаза были закрыты, губы сжаты, а руки крепко сжимали покрывало на кровати. Но остановиться на этом он уже не

мог, он весь пылал от неудовлетворения, поэтому он сделал сильный толчок и, порвав девственную плеву, ворвался во влажную глубину. Стон удовольствия вырвался из его груди, а изо рта Алены – крик боли. Он наклонился к ней и начал ее целовать, шепча успокоительные слова. – Все, моя девочка, самое главное мы с тобой сделали. Ты немного расслабься, и сможешь получить удовольствие, которое ты уже один раз испытала со мной.

Алена открыла глаза, и, увидев над собой его лицо с извиняющей улыбкой, улыбнулась в ответ.

– Лучше не тяни, Антон.

– Здесь, ты не права, – ответил он ей, вбирая в рот крупный сосок ее груди. Девушка вздрогнула и хрипло засмеялась. Антон удивился ее смеху и замер, а Алена, не обращая на его лицо внимания, приподняла ягодицы, вынуждая его к активному действию. Дальнейшее для них обоих стало сладким туманом. Он был сильно изумлен, когда Алена стала подлаживаться под его ритм. Но видно выпитое вино сыграло роль анестезии в этом деле, потому что, когда Антон в безудержном танце страсти начал приближаться к финалу, Алена сжав губы, сдержала крик, и еще крепче прижимаясь к нему, забила вместе с ним в конвульсии оргазма. Спустя некоторое время они пришли в себя. Антон лежавший распластавшись на ней, приник к ее губам в горячем благодарственном поцелуе, и только потом лег рядом. Повернув девушку лицом к себе, он пристально взглянул в ее глаза,

пытаясь понять, не сожалеет ли она о случившемся, но нет, они искрились счастьем. Он крепко прижал ее к себе, вдыхая чистый запах волос, и дал себе клятву, что никогда ее не обидит.

Страсть к Алене его поглотила с головой, и он бросился в этот омут, ни на что, не обращая внимания. После это вечера для них наступил месяц безумия. Они начинали гореть желанием и страстью, только завидев друг друга. Сколько было ухищрений для того, чтобы быть наедине, и они использовали каждый выпавший на их долю момент с пользой для своих тел. Стога сена, безлюдные далекие поляны в лесу, надворные постройки. В тот месяц он не узнавал сам себя, настолько был увлечен одной лишь девушкой Аленой. Но почему-то он ни разу не признался ей, что любит ее. Алена-то ему несколько раз говорила о своей любви, находясь в экстазе, а Антон боялся сказать ей в ответ такие же слова, хотя бывали моменты, когда он был близок к признанию. Наверно останавливало то, что он твердо верил в одно: на свете нет любви, есть только низменная похоть, а самое лучшее это страсть. Он сам являлся ее предметом.

Потом спустя одиннадцать лет после того лета бабушка решила ему рассказать, как случилось, что он жил с детства с ней, и куда делись его родители.

– Отец неизвестен, – поджав губы, заявила она. – А твоя мама, моя непутевая дочь, затерялась в просторах Сибири, куда подалась на заработки. Первые два года она высылала

нам деньги, писала короткие письма, правда в них почему-то забывала спрашивать про тебя. – Она тяжело вздохнула, – а потом ни денег, ни ее самой, и что с ней случилось мне до сих пор неведомо, как не пыталась я узнать. Пропала она, – на ее глаза набежали слезы, и она вытерла их кончиком фартука. – Говорят, яблоко от яблони недалеко падает. Это про нас с твоей мамой. Я же ее тоже родила, когда мне было примерно столько же лет, как и ей. А думала, когда отдавалась мужчине, что это моя первая и последняя любовь. Так вот, оказывается, это только в кино она бывает. Надеюсь, ты не обманывал женщин, Антон? – резко тоном задала она ему вопрос.

– Да, что ты бабуль, – ответил он, улыбаясь ей, – я не смог бы оставить женщину с ребенком на руках.

Он не стал ей рассказывать, что только по этой причине он и женился в первый раз.

Женитьба, вынужденная женитьба, стала для него большим ударом. Вернувшись после того знаменательного отдыха в деревне в институт, он услышал от однокурсницы Лены, с которой он уже целый год крутил роман, что она беременна. У него в тот момент, тут же перед глазами стала Алена с покрасневшими от долгих слез глазами, провожающая его на перроне, но все равно прекрасная в своей гордой молчаливости. Она не просила у него клятвы в верности и любви, видно уверенная, что настоящие мужчины не распыляются на слова, они должны это подтвердить своим действием и

отношением к девушке. И Антон не выдержал и, крепко целуя на прощание, сказал:

– Я тебе позвоню в общежитие и постараюсь приехать зимой. Я буду с тобой.

Для него эти слова стали чуть ли не признанием в любви к ней, потому что за четыре года учебы в институте не разу не приезжал на зимние каникулы.

Глаза девушки после этих слов засияли, и она с чувством коротко ответила:

– Я буду ждать, Антон.

Потом, когда, проехав сутки в поезде и думая только о ней, он сказал, что любит эту девушку безмерно. Определение нового чувства в себе заставили Антона задуматься о своей дальнейшей жизни. Надо было окончить последний курс института, и, вернувшись в деревню сыграть свадьбу, и только потом ехать по распределению с молодой женой. Он стал ломать голову, куда бы ему устроиться работать по вечерам, чтобы заработать деньги, которые ему понадобятся в скором будущем для совместной жизни с Аленой. Эти мысли так захватили его, что он не успел заметить, как добрался до Москвы. Эйфория от надвигающегося в его жизни множества изменений не покидала его, когда он начал писать письмо Алене, в котором признавался ей в любви и просил ее стать его женой, но это было до тех пор, пока в его комнату в общежитии не заявила Лена.

Лена Кравцова была москвичкой. Весь четвертый год уче-

бы Антон проводил с ней все выдававшиеся свободные вечера. Лена не была приверженкой строгой морали, в начале кольцо, потом постель, поэтому первый же поход в кино закончился бурной постельной сценой в квартире Кравцовых, пока старшие отсутствовали. Они оба были тогда в восторге оттого, что им пришлось испытать от совместного соития. Это потянуло за собой целую цепь новых встреч и постепенно потребность друг в друге. Но по отношению к Лене у Антона не появилось желаний трогательной заботы к ней. Почему-то ему ни разу не пришло в голову подумать, не больно ли он ей делает в порыве дикой грубой страсти. Сама Лена никогда не пыталась у него выведать, как он к ней относится или самой высказаться о своем отношении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.